

HISTORIA ROSSICA

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУРСЫ,
ПРАКТИКИ
В XVIII–XIX ВЕКАХ

Безопасность Российской империи

ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУРСЫ,
ПРАКТИКИ
В XVIII–XIX ВЕКАХ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2026

УДК 94(47+57)«17/18»-049.5

ББК 63.3(47+57)521-3

Б40

Редакционная коллегия серии HISTORIA ROSSICA

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

Редактор серии И. Мартынюк

Рекомендовано к печати Ученым советом Европейского
университета в Санкт-Петербурге

Рецензенты: доктор исторических наук *Б. И. Колоницкий*,
кандидат исторических наук *Ю. А. Сафронова*

- Б40** Безопасность Российской империи: проблемы, дискурсы, практики в XVIII–XIX веках / Коллективная монография под ред. И. Иванова, Н. Катцера, К. Дитце; пер. с нем. С. А. Медведева, Д. А. Сдвижкова. — М.: Новое литературное обозрение, 2026. — 800 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-3020-8

Военные и революционные потрясения XVIII–XIX веков — в ряду с новыми радикальными идеями и техническими новшествами — сформировали противоречивые настроения в странах Старого Света: с одной стороны, ощущение угрозы традиционному укладу жизни, с другой — надежду на прогресс в решении социальных проблем. Европейским монархам и главам государств приходилось искать новые способы сдерживания общественного беспокойства, что неизбежно влекло за собой и переосмысление основ государственной безопасности. В фокусе внимания данной коллективной монографии — реакция российского государства на политические и социальные вызовы, угрожавшие монархическому миропорядку (войны в Европе, национальные движения, демократизация жизни и др.). Авторы книги рассматривают, как процессы секуритизации и этатизации преломляются в разных областях — от религии, экономики или управления приграничными территориями до техник наблюдения и контроля, знаменовавших переход к современному типу государства. В центре дискурса безопасности Российской империи оказываются вопросы, связанные с крепостным правом, сословным порядком, интеграцией нерусских народов в число подданных, веротерпимостью, а также доверием между дворянством и династией, серьезно пошатнувшимся после восстания декабристов. Коллективное исследование проводилось в широкой транснациональной перспективе.

УДК 94(47+57)«17/18»-049.5

ББК 63.3(47+57)521-3

В оформлении обложки использован фрагмент картины В. Ф. Тимма
«Лейб-гвардии Конный полк на Сенатской площади 14 декабря 1825 года». 1853.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фотограф: П. С. Демидов.

© И. Иванов, Н. Катцер, К. Дитце, состав, 2026

© Авторы, 2026

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2026

© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Иванов, Николаус Катцер, Карола Дитце. Предисловие . . . 8

Часть I. Понятия и представления

*Ингрид Ширле. «Покой и безопасность» как цели государства
в Российской империи (XVIII — начало XIX века) 30*

*Денис Анатольевич Сдвижков. Семантика безопасности
в России в XVIII–XIX веках в сфере частной жизни 65*

*Франциска Шедеви. Доверие и процедуры.
Императорская семья и кризис безопасности
после восстания декабристов 1825 года 83*

Часть II. Идеологии и идеи

*Майке Зах. «Изливается яд французской».
«Путешествие из Петербурга в Москву» (1790)
Александра Радищева как угроза безопасности 130*

*Андрей Юрьевич Андреев. Союз христианских монархов.
Александр I и концепции коллективной
безопасности в Европе 173*

Часть III. Сословное общество и реформы

*Владимир Васильевич Морозан. Русские финансы
в первой четверти XIX века. Трудности и попытки
их преодоления 210*

*Татьяна Васильевна Андреева. Александр I и тайные общества.
К эволюции официальных представлений о внутренней
безопасности Российской империи 240*

*Ирина Владимировна Ружицкая. «Крепостное состояние
есть пороховой погреб под государством».
Крестьянский вопрос в первой половине XIX века
и проблема внутренней безопасности: новые подходы 281*

*Иван Асенович Иванов. «Праздность ума» и «пагубная роскошь
полупознаний». Народное просвещение как объект политики
внутренней безопасности в первой трети XIX века 313*

Часть IV. Надзор и наблюдение

- Федор Леонидович Севастьянов** †. Перед III Отделением.
Опыт создания высших полицейских учреждений
современного типа в царствование Александра I 354
- Ольга Валериановна Эдельман**. Безопасность государства
в зеркале следствия по делу декабристов 380
- Алсу Назимовна Бикташева**. Методом проб и ошибок.
Административные реформы первых десятилетий XIX века
как необходимость обеспечения внутренней безопасности 404
- Григорий Николаевич Бибииков**. Верховная власть и губернская
бюрократия. Надзор III Отделения С. Е. И. В. канцелярии
за губернаторами (1820–1830-е годы) 435
- Павел Владимирович Лизунов**. Российский рынок ценных бумаг.
Государство и предотвращение биржевых потрясений 475

Часть V. Развитие права и правовое сотрудничество

- Сильвия Кеспер-Бирманн**. Международное поле обсуждения
уголовно-правовых концепций безопасности. Государственные
преступления в контексте кодификации и создания
русского «Уложения о наказаниях» (1801–1845) 510
- Александр Юрьевич Бендин**. Институционально-правовое
регулирование веротерпимости и религиозно-политическая
безопасность Российской империи в XVIII — начале XX века 546
- Конрад Тирихтер**. Формирование транснациональных режимов
безопасности в первой половине XIX века.
На примере германо-русского сотрудничества
в борьбе с политическими преступлениями 619

Часть VI. Различия и периферии

Франк Неземанн. Интеграция Великого княжества Финляндского в Российскую империю как нетривиальная задача политики безопасности и административного управления 644

Кристиан В. Детмеринг. Концепции безопасности на Северном Кавказе между инструментализацией местных элит и внедрением собственных механизмов господства : : . 677

Алексей Юрьевич Конев. «Иноземцы» превращаются в «иностранцев». Народы Сибири в контексте внутренней безопасности Российской империи (XVII — первая четверть XIX века) 714

Послесловие. Нарративы и теории

Александр Мартин. Раздробленность или интеграция? Безопасность в России в период от Екатерины II до Александра I 752

Сведения об авторах 779

Указатель имен (составлен А. А. Касимовской, Европейский университет, Санкт-Петербург) 781

Владимир Васильевич Морозан

РУССКИЕ ФИНАНСЫ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Трудности и попытки их преодоления

Проблемы финансовой устойчивости Российской империи всегда имели острый характер. Правительство неоднократно организовывало всевозможные комиссии для рассмотрения способов решения различных экономических задач, однако в большинстве случаев в первом столетии существования империи их эффективность была низка. Очевидно, в отмеченное время царским властям не только не доставало опыта качественного управления финансовыми ресурсами страны, но и достаточной воли жить по средствам. Чрезмерные политические амбиции и непроизводительные расходы значительной части бюджета ставили Российскую империю в крайне сложное финансовое положение. Увлечшись во второй половине столетия иностранными займами, Россия рисковала стать заложником западного денежного рынка. Вместе с тем страна приобрела к концу XVIII века определенный опыт в организации бюджетных расходов и накопления денежных ресурсов. К царствованию Александра I вполне созрели условия для перехода к более рациональному распределению национальных богатств России, следовательно, к ее более устойчивому и безопасному финансовому положению. Ниже рассматриваются неудачи царского правительства в бюджетной сфере и денежном обращении в первой четверти XIX века и причины, приведшие к экономическим трудностям. Указывая на зрелость условий для проведения экономических реформ в начале XIX столетия, следует обратить внимание на отсутствие в отмеченное время консолидированного подхода

к методам необходимых преобразований. Ко всему прочему, в начале века Россия столкнулась с весьма острыми социально-экономическими и политическими вызовами, которые требовали эффективного решения. Очевидно, что империя со времен Петра I не оказывалась в столь трудном военно-политическом и финансовом положении. Однако построенная на системе сдержек и противовесов российская бюрократическая система оказалась неспособной находить оптимальные решения в социальной и экономической сферах страны. Реформа государственного управления Александра I лишь усилила ведомственный сепаратизм, затруднявший не только процесс принятия необходимых решений, но и реализацию намеченных мероприятий. Отсутствие достаточных ресурсов усугубляло положение. Нет сомнений, что в условиях острейшего бюджетного дефицита реализация поставленных правительством Александра I задач была трудноразрешима. Невозможной же она стала вследствие изнурительной и долговременной войны.

Отметим, что история финансовой политики правительства Александра I достаточно хорошо изучена. В частности, обстоятельно изложены различные аспекты этой политики в монографии Л. П. Марней «Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.», а также в коллективном труде «Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва»¹. Качественно описано положение дел с денежным обращением в работе Семеновых «Денежные реформы в России в XIX веке»². Интересна статья Т. К. Махровой «Из истории денежного обращения России в период наполеоновского вторжения»³. В представленной статье более тщательно анализируется положение дел в бюджетной и денежной политике правительства Александра I, а также дана более точная оценка финансового кризиса в России

¹ Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / [Б. В. Ананьич и др.] СПб., 2005.

² Семенова Т. Г., Семенов А. В. Денежные реформы в России в XIX веке. СПб., 1992.

³ Махрова Т. К. Из истории денежного обращения России в период наполеоновского вторжения // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1 (1). С. 116–123.

начала XIX века и предпринятых шагов по выходу из него. Автор вскользь коснулся и проблемы финансовой безопасности государства. К сожалению, эта тема еще недостаточно изучена в отечественной историографии и для более глубокого ее анализа требуются дополнительные документальные материалы.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС НАЧАЛА XIX ВЕКА

Начало XIX века оказалось для России крайне сложным во многих сферах экономической и политической жизни. Значительные бюджетные неурядицы, расстройство денежной системы, весьма архаичное народное хозяйство требовали существенных усилий по разрешению имевшихся трудностей. Отметим, что особенно сложными стали первые полтора десятилетия XIX века. Именно в эти годы царствования Александра I финансы России оказались в наиболее расстроенном состоянии. Доставшиеся от прежних лет правления императора Павла I экономические проблемы требовали тщательного изучения и непростых решений. Страна остро нуждалась в мирной передышке для реорганизации государственного управления, упорядочения денежного обращения и бюджетных расходов. Однако, как известно, последующие после прихода к власти Александра I военно-политические процессы в Европе привели к тому, что Россия оказалась втянутой в многолетнюю борьбу с наполеоновской Францией. Наиболее остро страна стала ощущать недостаток ресурсов с 1803 года, когда военная и внешнеполитическая деятельность России особенно активизировалась. В результате роста расходной части государственного бюджета его дефицит в 1809 году достиг 157 млн руб.¹ В частности, при составлении бюджета на 1810 год М.М. Сперанский докладывал Александру I, что государственные финансы состояли из следующих показателей: «125 миллионов дохода, 225 миллионов расхода, 577 миллионов долгу»². «Государство наше, — отмечалось в «Плане финансов на 1810 год», — вступает в 1810 г. с 577 миллионами внутреннего

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 8.

² [Сперанский М.М.] Отчет в делах 1810 г. // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 421.

П. А. Иванов. Миниатюра: портрет графа М. М. Сперанского. 1806 г.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото: Н. Н. Антонова,
П. С. Демидов, И. Е. Регентова, В. С. Теребинин, Л. Г. Хейфец

долга, состоящего в ассигнациях. Присоединив к нему около 100 миллионов долга иностранного, масса долгов наших составляет около 677 млн»¹. Интересно, что в своем первом докладе на посту министра финансов Д. А. Гурьев приводил сведения и о чрезвычайных расходах за 1808, 1809 и 1810 годы, которые составляли 120, 140 и 80 млн руб. соответственно. Конечно, почти все эти средства пошли на содержание армии. В том же докладе он указывал на возможные источники покрытия подобных расходов в 1810 году. Так, из кассы Воспитательного дома он предлагал заимствовать 40 млн руб., из средств Ассигнационного банка 30 млн руб. Непокрытыми оставались лишь 10 млн руб.² Таким образом, в начале XIX века царское правительство стало обращаться к внутренним источникам пополнения государственной казны. Со временем степень эксплуатации этих источников стала возрастать. В условиях нестабильности внешнего рынка начала столетия обращаться к внутренним ресурсам было безопаснее. Очевидно, во властных кругах страны наблюдалась определенная эволюция в отношении источников заимствования. Если в эпоху Екатерины II проблема состояла в поисках приемлемых предложений со стороны западных финансистов, то в начале XIX века правительство попыталось диверсифицировать денежные рынки. Не отказываясь от зарубежных облигационных займов, власти с интересом стали присматриваться к внутреннему частному капиталу. Проблема состояла в том, чтобы консолидировать этот капитал для нужд государства. Ведь он не был еще достаточно значителен по своему объему, да и его держатели не были избалованы коммерческими предложениями по его наращиванию.

Способы покрытия бюджетного дефицита были различными, среди них важную роль играли эмиссионные механизмы правительства. Правда, их безудержная активность способствовала росту денежной массы страны к концу 1809 года до 533 201 300 руб. Такая политика привела к существенному падению курса бумажных денег, который опустился к 1810 году ниже 25 коп. серебром (см. таблицу 1). По мнению А. А. Исаева,

¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1 (1810 г.). Д. 16. Л. 4.

² Там же. Д. 1а.

внутренний курс ассигнаций в 1812 году составлял «23½ коп. серебром» за бумажный рубль¹. Несколько выше оценивал его стоимость М. М. Сперанский, который полагал, что он составлял 26⅔ коп. серебром. Отметим, что в условиях заметной инфляции финансовые трудности испытывало не только правительство, но и часть населения страны, в особенности в городах. Цены на широкий круг товаров за первое десятилетие XIX века повысились почти втрое, особенно осложнив жизнь малоимущих. Нет оснований полагать, что неблагоприятное материальное положение населения рассматривалось правительством как возможная угроза общественной безопасности. Напротив, каких-либо тревожных симптомов в обществе не наблюдалось. Жизнь текла своим чередом. Тревогу в правительственных кругах вызывал низкий курс ассигнационного рубля, который негативным образом влиял на доходную часть государства. Следует подчеркнуть, что проблема внутреннего долга, о которой говорил М. М. Сперанский при составлении бюджета 1810 года, не имела сколь-нибудь катастрофического характера для правительства и не могла подорвать финансовую безопасность страны. Ведь в отмеченную выше сумму внутреннего долга в 577 млн руб. входила общая масса выпущенных ассигнационных денег, которые воспринимались властными кругами как своеобразный долгосрочный кредит, полученный от населения России. Следовательно, для правительства этот «долг» имел негативный характер в силу его пагубного влияния на доходную часть государственного бюджета. Впрочем, частично эту проблему можно было решить повышением налогового бремени для населения.

Однако в ожидании грядущей войны срыв налоговых сборов и их недостаточная весомость для казны могли самым негативным образом отразиться на безопасности страны. Очевидно, что правительство нуждалось в дополнительных доходах для покрытия военных нужд. Траты увеличились не только на содержание армии, но и на ее оснащение новым вооружением и амуницией. Это привело к резкому увеличению расходов правительства за границей. Если в обычные времена эти затраты составляли 5–6 млн руб. в год, то в 1810 году они достигли более

¹ Исаев А. А. Государственный кредит. Ярославль, 1886. С. 122.

Таблица 1. Курс ассигнационного рубля в 1809–1822 годах

Год	Сумма (+) выпущенных или (-) уничтоженных ассигнаций	Сумма всей денежной массы	Цена ассигнации в серебре (в коп.)
1809	+ 55 832 720	533 201 300	43 $\frac{1}{2}$
1810	+ 46 172 580	579 373 880	25 $\frac{2}{5}$
1811	+ 2 020 520	581 394 400	26 $\frac{2}{5}$
1812	+ 64 500 000	645 894 400	25 $\frac{1}{5}$
1813	+ 103 440 000	749 334 400	25 $\frac{1}{5}$
1814	+ 48 791 500	798 125 900	20
1815	+ 27 697 800	825 823 700	20
1816	+ 5 600 000	831 423 700	25 $\frac{1}{5}$
1817	+ 4 576 300	836 000 000	25 $\frac{1}{5}$
1818	- 38 023 875	797 976 125	25 $\frac{1}{5}$
1819	- 78 650 530	718 325 596	26 $\frac{1}{5}$
1820	- 34 153 050	685 172 545	26 $\frac{1}{5}$
1821	- 33 487 445	651 685 100	25 $\frac{3}{5}$
1822	- 55 908 790	595 776 310	26 $\frac{1}{5}$

Источник: РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1019. Л. 4.

20 млн руб.¹ Подобные платежи производились в золоте и серебре, что мешало властям рассчитываться с внешними долгами.

Крайне неблагоприятна была конъюнктура на внешнем рынке, где вексельный курс русского рубля переживал ощутимое падение. Этот фактор привел не только к удорожанию привозных заграничных товаров, но и к трудностям с оплатой внешних долгов России. По расчетам государственного казначея А. И. Васильева, президента Коммерц-коллегии князя Г. П. Гагарина и генерал-прокурора П. Х. Оболянинова долг зарубежным кредиторам уже в 1800 году достиг громадной суммы 63 756 708 руб. и был непомерен для страны². Основными держателями русских облигаций были голландцы, на долю которых приходилось более 61 млн руб. Оставшимися двумя с небольшим миллионами облигационных долгов владели генуэзцы. Примечательно, что российские власти предполагали расплатиться по генуэзскому долгу в кратчайшие сроки. Первую партию платежей в сумме 764 тыс. пиастров планировалось произвести в 1800–1801 годах. Остальную часть долга правительство намеревалось выплатить

¹ Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 141.

² РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 241. Л. 1.

в 1805–1809 годах¹. Однако финансовые трудности и политические обстоятельства не позволили осуществить эти расчеты. К 1808 году оставались невозвращенными более 825 тыс. пиастров, или 1237 тыс. руб.²

Еще сложнее обстояли дела с голландскими займами. В 1800 году был составлен план погашения этих долгов, по которому полный расчет по займам должен был произойти досрочно в 1811 году. Правительство намеревалось потратить на эти операции 85 488 515 руб. В эту сумму входили и проценты по займам, которые достигали 25 250 тыс. руб.³ В случае несоблюдения договорных сроков погашения займов процентные расходы могли возрасти до 36 143 040 руб. Но реализовать намеченный план России не удалось. Военные обстоятельства и бюджетный дефицит осложнили расчеты страны с иностранными кредиторами. В 1811 году в Санкт-Петербург для разрешения этой проблемы прибыл представитель банкирского дома «Гоппе и К°», давнего партнера России по голландским займам, — Лабушер. Однако полностью удовлетворить претензии своих контрагентов российское правительство не смогло. Напротив, в ходе обсуждения долговых обязательств России перед иностранными кредиторами русскому правительству удалось договориться о новом займе⁴. Очевидно, проблема неплатежей по внешним долгам особенно не беспокоила царские власти. В Европе время от времени отдельные страны прекращали свои расчеты по внешним займам, не исключая и самую успешную державу — Англию. Среди стран, наиболее часто не выполнявших свои обязательства перед кредиторами, была Франция, отказавшаяся в XVIII веке четыре раза платить по долгам. Форс-мажорные обстоятельства, особенно военные действия, являлись удобным поводом для срыва платежей. Так, захват Францией Голландии весной 1812 года стал одним из поводов для России прекратить расчеты по прежним заимствованиям. Таким образом, внешние долги страны не могли

¹ Там же.

² Кредит и банки в России до начала XX века. С. 150.

³ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 241. Л. 4.

⁴ *Ананьич Б. В., Лебедев С. К.* Контра придворных банкиров в России. С. 142.

быть прямой угрозой ее безопасности. Тесно зависимые друг от друга, кредиторы и заемщики со временем находили приемлемые решения по долгам. Последующие события показали, что доверие финансовых кругов Европы к России не было подорвано задержками платежей.

Очевидно, что предпринятая в начале столетия реформа государственного управления пришлась на крайне неблагоприятное время для экономики страны. В условиях роста военных расходов приходилось тратить средства и на совершенствование государственного аппарата, и на увеличение штата чиновников. О росте расходов на военные нужды можно судить по следующим цифровым показателям, которые даны были Министерством финансов: в 1804 году правительство потратило на военные нужды 46,5% от доходов государства, в 1805 году — 42%, в 1806 году — 49%, в 1807 году — 47%, в 1808 году — 52%, в 1809 году — 46%, в 1810 году — 58%, в 1811 году — 47%, в 1812 году — 55%, в 1813 году — 62%, в 1814 году — 63%, в 1815 году — 53%, в 1816 году — 58%, в 1817 году — 46%, в 1818 году — 48%, в 1819 году — 44%, в 1820 году — 47%¹. Примечательно, что в предвоенные годы рос и валовый сбор налогов в стране.

Впрочем, более динамичному росту казенных доходов помешал Тильзитский договор, который обязал Россию присоединиться к континентальной блокаде. Разрыв легальных торговых связей с Англией привел к существенному сокращению налоговых поступлений. Так, если в 1805 году сумма внешне-торговых операций составляла 134 млн руб., то в 1808 году она снизилась до 82 млн руб.² По оценкам Чжи-Бэ Пака, из общей массы вывезенных из России товаров в первой четверти XIX века стоимостная доля экспорта в Англию составила 38–41%³. Эти данные указывают на чрезвычайную зависимость России от внешнеторговых операций с Англией, что было крайне небезопасно. Хотя торговые связи между этими странами

¹ Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 620–621.

² РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 241. Л. 14.

³ Пак Чжи-Бэ. Объем и значение экспорта российских товаров в Великобританию в 1760–1830 гг. // Российская история. 2016. № 4. С. 23.

продолжали оставаться тесными, они в значительной степени в период с 1808 по 1812 год приобрели контрабандный характер. Таким образом, существенная доля торговых пошлин была для российского правительства потеряна.

ПОПЫТКИ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ РЕШИТЬ ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ СТРАНЫ

Вместе с тем договоренность с наполеоновской Францией предоставила России небольшую мирную передышку, позволив ей заняться своими экономическими проблемами. Осознание остроты финансового положения страны вынудило правительство предпринять определенные шаги в разрешении этой ситуации. Чтобы определить круг необходимых мер и способы решения экономических проблем, в 1809 году был создан специальный Финансовый комитет под руководством Александра I. В его состав вошли товарищ министра финансов Д. А. Гурьев, государственный казначей Б. Б. Кампенгаузен, товарищ министра юстиции М. М. Сперанский и начальник 4-го отделения Комиссии составления законов М. А. Балугьянский. К его работе привлекался и терявший свое влияние при дворе министр финансов Ф. А. Голубцов, а также адмирал Н. С. Мордвинов. В результате работы комитета был составлен «План финансов на 1810 г.». Трудно определить степень участия в его разработке каждого члена комитета. Очевидно, ключевую роль в его составлении сыграли М. А. Балугьянский и М. М. Сперанский. По мнению многих исследователей, в основу «плана» были положены идеи Балугьянского, но доработаны и дополнены они были последним. Свою долю дополнений внесли Д. А. Гурьев и Н. С. Мордвинов. Авторы проекта определили не только меры срочного порядка, но и шаги, рассчитанные на более длительную перспективу¹. Эти меры вытекали из понимания первопричины многих экономических бед в России. Которые, по разумению Балугьянского и Сперанского, возникли из-за эмиссионной политики правительства, приведшей к падению курса бумажного

¹ Финансовые документы царствования императора Александра I / Под ред. А. Н. Куломзина // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 2.

Г. А. Гиппиус. Портрет гр. Д. А. Гурьева. 1820-е гг.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото: Н. Н. Антонова,
П. С. Демидов, И. Е. Регентова, В. С. Теребинин, Л. Г. Хейфец

рубля, и неоправданных расходов государства. Оба осознавали, что снижение покупательной способности ассигнаций не только сокращало реальные доходы населения страны и пагубно влияло на торгово-промышленную деятельность, но и существенно уменьшало реальные налоговые поступления в казну. Несомненным фактором ухудшения финансового положения страны, по их мнению, была и слабая фискальная политика в сочетании с низкой дисциплиной налогоплательщиков.

План Финансового комитета по оздоровлению российской экономики был достаточно обширен, рассматривал систему налогообложения в стране, бюджетную политику и денежное хозяйство. Авторы проекта предлагали сбалансировать доходную и расходную части государственного бюджета, сократив ряд затратных статей. В частности, планировалось существенно снизить содержание Министерства народного просвещения, уменьшить расходы на содержание государственного аппарата, урезать и без того незначительные траты на строительство дорог. Так, с 1804 по 1816 год расходы по Министерству народного просвещения сократились с 3200 тыс. руб. до 2500 тыс. руб. ассигнациями. Если же перевести расходы в серебряные рубли, то бюджет министерства был сокращен в 4,2 раза. Между тем содержание Министерства юстиции возросло с 2600 тыс. руб. до 3200 тыс. руб. ассигнациями. Однако с учетом падения курса бумажных денег бюджет этого министерства в серебре уменьшился в 2,5 раза¹. Вместе с тем бюджетная реформа имела пусть и отложенное, но крайне важное значение. Ведь в прежние времена смета расходов и доходов составлялась крайне непрофессионально. По словам М. М. Сперанского:

Общая годичная смета доходов и расходов во всех благоустроенных Государствах составляет важный финансовый закон, соображаемый не в видах только внутренних прибылей или убытков, но в видах внутренней и внешней Государственной политики.

Мера сия везде, и почти обыкновенно сопровождается спорами и пререканиями. В Англии и во Франции министр финансов во все течение года приготавливает сей закон, и как скоро он с благоразумием и добрым расчетом учрежден, то все последующие операции суть уже простое приложение подробностей, коих исполнение обращается большею частью в местах подчиненных.

Посему неудивительно, что и у нас постановление сего закона возродило ныне споры. Не только сим не должно огорчаться, но напротив тут должно видеть успехи того общего движения, коим все части управления из азиатского смещения приходят к европейскому порядку.

¹ Бородин Л. И. Государственный бюджет, доходы и расходы // http://www.hist.ru/Dynamics/13_stt.htm (дата обращения 28.04.2018).

Сметы прежних лет учреждались почти одним почерком пера. Министр финансов или государственный казначей сосчета доходы в своей Канцелярии, ограничит, сбережет и отложит из них в сторону разные запасы и пособия, пересмотрит сметы других Министров, у одних убавит, другим попустит, а тем, кои посильнее, дополнит или обещает заменить вперед; потом доходы и расходы сведет рубль в рубль, покажет даже, естли то нужно, и остатки, и таким образом расписание готово, конфирмовано и пущено в дело. Прошел первый месяц, настали новые требования. Тут начинают все ходить за Министром. Одному отказ, другому щедрость, третьему заем, четвертому проволоочки, и таким образом всем и даже самому Государю на каждом шагу он делается нужным¹.

Таким образом, намеченные перемены в деле составления росписи доходов и расходов постепенно приучили государственный аппарат к определенной бюджетной дисциплине, которая особенно проявилась с приходом в 1823 году Е. Ф. Канкрин.

«Проект финансов» был внесен для рассмотрения в Государственный совет 1 января 1810 года. После обсуждения его в новом законосовещательном органе России на подпись к императору был представлен ряд законодательных актов по экономической реформе. Большинство из них было подписано в 1810 году. Так, 2 февраля был одобрен Манифест «О мерах к уменьшению государственных долгов, о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями и о возвышении некоторых податей и пошлин», 20 июня — Манифест «О новом устройстве монетной системы», 29 августа — закон «О новой серебряной и медной монетах»². Лишь 9 апреля 1812 года Александр I утвердил Манифест «О введении повсеместного единообразного обращения государственных банковских ассигнаций»³.

Примечательно, что кроме различных мер упорядочения денежного хозяйства правительство считало важным укрепить и доверие общества к ассигнационному рублю. В этой связи в Манифесте «О мерах к уменьшению государственных

¹ О финансовом законе на 1811 год // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 2. Л. 1–2.

² ПСЗ-I. Т. 31. № 24116, 24264, 24334: Краткая историческая справка о государственных ассигнациях и т. д. // РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1019. Л. 5.

³ ПСЗ-I. Т. 32. № 25080.

долгов...» провозглашалась необходимость прекратить выпуск в оборот дополнительных бумажных знаков. Помимо этого, вся обращающаяся денежная масса признавалась государственным долгом: «Все государственные банковские ассигнации, ныне обращающиеся, признаются, так как и всегда они были признаваемы государственным долгом, обеспеченным на всех богатствах империи»¹.

По мнению разработчиков финансовой программы М. А. Балугьянского и М. М. Сперанского, для перехода к твердой валюте следовало учредить специальный «Государственный банк на серебре» с наделением его весьма обширными функциями. По существу, план Балугьянского–Сперанского ставил цель не только приподнять курс ассигнаций, но и возвысить их достоинство до нарицательной стоимости. Для авторов финансовой программы был очевиден вред неравноценного курса бумажного и серебряного рублей. Вместе с тем они допускали производство платежей по установленному курсу (лажу), что привело к укреплению в стране двойной валюты. Как отмечал Н. Х. Бунге, «Манифестом от 9 апреля (1812 года. — В. М.) ассигнациям возвращается значение счетной денежной единицы, но нисколько не отменяется единица монетная»².

Среди отмеченных выше шагов правительства Балугьянский и Сперанский предлагали и непопулярные меры оздоровления финансов, а именно считали необходимым повысить подушную подать, налоги с производившейся меди, фискальные поборы с купцов. Среди прочих мер фискального характера предполагалось увеличить таможенные пошлины, гербовый и паспортный сбор, монопольные цены на соль³. Отметим, что правительство надеялось найти понимание среди населения страны. Мера эта, как указывалось в Манифесте, «без сомнения будет признана всеми благомыслящими мерою столь же необходимою, как и для государства полезною»⁴. Интересно, что доходную часть бюджета проектировщики предполагали увеличить

¹ ПСЗ-І. Т. 31. № 24116.

² Бунге Н. Х. Приложения, касающиеся России // Вагнер А. Русские бумажные деньги. Б. м., 1868. С. 131.

³ Русский рубль. Два века истории: XIX–XX вв. М., 1994. С. 18–20.

⁴ ПСЗ-І. Т. XXXI. № 24116.

за счет правильного исчисления налогов, повысив их в два раза. Однако, по мнению экономиста А. Н. Гурьева, отмеченное двукратное увеличение налогов было недостаточно, учитывая степень обесценения ассигнационных рублей¹.

Подготовив пакет законодательных актов в 1810 и 1812 годах, их разработчики полагали, что залогом успеха экономической реформы могла стать последовательная реализация всего комплекса намеченных мер. Финансово-экономическое состояние государства не могло быть стабильным при дальнейшем наращивании денежной массы, слабой эффективности налоговой системы и плохой бюджетной политике. Казалось, что правительство не только учитывало эти факторы, но и перешло к осуществлению намеченного плана. Во всяком случае предпринятые в 1810 году шаги вписывались в рамки «Плана финансов». В частности, были повышены налоги и акцизные сборы, позднее введен новый Тарифный устав, а также проведена очередная, шестая ревизия. Чтобы повысить стоимость полновесного российского рубля, были предприняты шаги по реорганизации монетного дела. В результате реализованных мер в налоговой сфере уже в 1810 году удалось увеличить налоги с купечества на 29%, а с мещан и ремесленников на 40%². Существенный прирост по налогам дали казенные крестьяне и однодворцы — до 34%. Несколько меньше поступило денег от удельных крестьян (26%)³. Достичь таких показателей удалось за счет повышения подушной подати на крепостных крестьян до 2 руб., государственных до 3 руб., а мещан до 5 руб. Своевременным было решение о введении в 1811 году нового тарифного устава, имевшего протекционистский характер. Благодаря его запретительным нормам удалось сохранить положительный торговый баланс. На экспорт было отправлено товаров на 147 млн руб., а импортировано на более 88 млн руб.

В Манифесте «О мерах к уменьшению государственных долгов, о прекращении выпуска в оборот новых сумм ассигнациями

¹ Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии: Исторический очерк. СПб., 1903. С. 56.

² Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 45. С. 193.

³ Там же.

и о возвышении некоторых податей и пошлин» законодатель отмечал, что правительство решило использовать сбережения населения, которые хранились в кредитных заведениях страны. В этом законодательном акте царские власти впервые признали, что вклады россиян могли стать надежным источником пополнения государственной казны. Правительство объясняло свою новую кредитную политику тем, что это происходило тогда, когда

ассигнации сохраняли свободный и обширный их ход, но сравнительное их достоинство в отношении к серебру унизилось, цены на все вещи возросли, разные состояния людей потерпели от сего великое отягощение, между тем как другие сделали от сего же самого нарочитые прибыли и таким образом долги государственные, возраста ежегодно и не имея срочной и определенной уплаты, обратились в действительный и неуравнительный налог¹.

Среди краткосрочных мер, как отмечалось выше, было и намерение правительства прекратить выпуск ассигнационных рублей: «Отныне, — указывалось в Манифесте, — все производство Государственного Ассигнационного банка будет состоять в одном промене ветхих ассигнаций на новые». Признав денежную массу своеобразным государственным долгом, царские власти попытались сократить его, постепенно изымая из обращения излишки бумажных денег до «приемлемой суммы». Для более удобного сокращения этого долга и других денежных обязательств было принято решение образовать особый капитал под управлением вновь учрежденной (Манифестами 2 февраля и 6 июля 1810 года) Государственной комиссии погашения долгов. Этот капитал должен был комплектоваться, как указывалось в законе 27 мая 1810 года, из средств, полученных от продажи выделенных на эти цели государственных имуществ. Добытые таким образом деньги должны были быть направлены на погашение долгов казны². До реализации имущества государства и для активизации процесса ликвидации долгов

¹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24116.

² Проект Устава Комиссии погашения долгов // РГИА. Ф. 1152. Оп. 1 (1810 г.). Д. 108. Л. 4.

правительство решило открыть Комиссии погашения долгов заем на 100 млн руб. Таким образом, правительство решило произвести первый внутренний заем, который был объявлен Манифестом 27 мая 1810 года. Его предполагалось разделить на пять серий по 20 млн руб. каждая. «Капиталы сего займа, — отмечалось в законе, — принимаются в Комиссии погашения долгов, которая выдает на них облигации, производит платеж и по истечении срока возвращает капитал»¹. Чтобы привлечь интерес населения к этой финансовой операции, предполагалось предоставить обладателям облигаций ряд преференций. Они могли использовать эти бумаги в качестве залога по казенным торгам, подрядам и поставкам. Облигациям отдавалось также предпочтение при покупке казенных имений, которые выставались правительством на торги.

Реализация первой части займа со сроком погашения в течение семи лет была начата 15 июля 1810 года, однако прошла неудачно. Облигации продавались по 2 руб. в бумажных купюрах, с условием уплаты их владельцам по 6% годовых в звонкой монете; а в момент их погашения предполагалось выдавать по рублю серебром или золотом за каждую бумагу. Выкупленные таким путем ассигнации подлежали полному уничтожению. Предусматривался и переход этих облигаций в разряд вечно доходных бумаг с ежегодной уплатой по 4,5% ренты. Процентную ставку и срок погашения бумаг по другим сериям займа правительство предполагало установить особо. Целью всей операции, как указывалось выше, должно было стать сокращение общей массы ассигнационных рублей до тех пределов, когда «онные... приблизятся к достоинству звонкой монеты». Таким образом, Комиссия погашения долгов, согласно ее Уставу, занималась выпуском займов, оплатой по ним процентов, расчетом по старым заимствованиям, изъятием из обращения и уничтожением ассигнаций. Однако ход размещения облигационного займа разочаровал руководство страны. По сведениям министра финансов Д. А. Гурьева, от его реализации поступило 5 млн руб. ассигнациями и 15 млн банковскими билетами. «По неуспешности сей меры, — отмечал министр, — прочие части (займа. — В. М.)

¹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24244.

не были открыты»¹. Очевидно, провал этого мероприятия был связан с различными обстоятельствами. По мнению П. П. Мигулина, заем мог оказаться более успешным, если бы правительство восстановило размен ассигнаций на серебряную монету². Это привело бы не только к укреплению курса бумажного рубля, но и повысило доверие населения к финансовым мероприятиям правительства.

Среди причин провала государственного займа была и его новизна для русской публики, не привыкшей к подобным финансовым операциям. Несомненно, определенную роль сыграли недоверие к правительству и его финансовой политике и недостаток денежных накоплений у основной массы населения. Впрочем, последняя причина не столь очевидна. Известно, что накопления отдельных слоев общества шли достаточно высокими темпами. Об этом можно судить по данным о вкладах в Сохранную казну Санкт-Петербургского воспитательного дома (см. таблицу 2). Из приведенных данных видно, что вклады в этом банке выросли с 1803 по 1810 год в 3,5 раза, а к 1825 году в 19,6 раза, составив сумму более 101 млн руб. Еще более масштабным был рост вкладов в Сохранную казну Московского воспитательного дома. Там эти показатели составили соответственно 5,5 и 30,9 раза, а сумма накоплений к 1825 году достигла 185 757 053 руб. Основанные в 1772 году при Воспитательных домах Санкт-Петербурга и Москвы в качестве банковских учреждений, они наиболее эффективно развивали в стране кредитные операции. Выдавая ипотечные займы, они вместе с тем успешно аккумулировали сбережения населения, сконцентрировав колоссальные для России денежные ресурсы. Часть этих средств шла на выдачу новых ипотечных займов дворянству, часть на содержание обширного хозяйства Ведомства учреждений императрицы Марии. Однако поглотить весь аккумулированный запас денег Ведомство не могло, что позволило государству активно пользоваться этими ресурсами. Только в 1816 году, по окончании Заграничного похода, государство было в долгу

РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 18 об. — 20 об.; Гурьев А. Н. Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903. С. 15.

Мигулин П. П. Наша банковая политика. (1729–1903). Харьков, 1904. С. 22.

Таблица 2. Рост денежных вкладов частных лиц в Петербургскую сохранныю казну на 1 января (до 1840 года суммы даны в ассигнационных рублях)

Годы	Сумма вкладов
1803	5 185 153
1804	6 446 528
1807	10 647 463
1810	18 520 235
1815	31 107 149
1816	34 340 242
1817	36 025 109
1818	43 219 228
1820	63 621 039
1824	139 191 130*
1825	101 674 839

Источник: Отчеты Петербургской сохранный и ссудной казны за 1810, 1814, 1815, 1816, 1817, 1819, 1823, 1824, 1826, 1827 годы // РГИА. Ф. 759. Оп. 5. Д. 94. Л. 11–12; Д. 125. Л. 3–4; Д. 131. Л. 4–5; Д. 156. Л. 4–5; Д. 205. Л. 1–2; Д. 319. Л. 4–5; Д. 342. Л. 5–6; Д. 423. Л. 12–13; Ф. 758. Оп. 6. Д. 332. Л. 43; Д. 333. Л. 46; Д. 334. Л. 42; Д. 335. Л. 41; Д. 341. Л. 49; Д. 342. Л. 43; Д. 344. Л. 41; Д. 412. Л. 45; Д. 413. Л. 47; Д. 414. Л. 49; Д. 415. Л. 41; Д. 544. Л. 41; Д. 545. Л. 49; Д. 546. Л. 79.

* В указанные суммы входят вклады казенных учреждений.

перед Воспитательными домами на сумму 45 500 тыс. руб., что составляло 27% от общего внутреннего долга страны¹.

Неудачными оказались и меры по усовершенствованию банковской системы страны. Несостоятельность проекта по организации «Государственного банка на серебре» по сути перечеркнула все усилия в этой сфере. Кроме того, роль Ассигнационного банка в денежной и кредитной политике была сведена к складскому помещению для бумажных денег. В изменившихся условиях правительство полагало, что расчеты Ассигнационного банка с Казначейством уже были «в существе своем бесполезными»². В связи с этим в Казначейство передавались все хранившиеся в банке ценности в монете и слитках. Банк становился хранилищем бумажных денег, без права эмиссионного контроля и с потерей кредитных функций. Впрочем, и в этом деле правительство оказалось непоследовательным. Логика плана экономических реформ требовала передать учетные конторы, как чужеродные Ассигнационному банку отделения, «по предмету

¹ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 147.

² РГИА. Ф. 1152. Оп. 1 (1810 г.). Д. 108. Л. 4.

своему» в ведение Заемного банка. Эти конторы имели кредитные функции и не вписывались в повседневную практику Ассигнационного банка. Однако из-за войны с Наполеоном осуществить это предложение оказалось невозможным, поэтому учетные конторы оставили в прежнем подчинении до 1817 года, когда было принято решение об их ликвидации и основании Коммерческого банка. Впрочем, этот статус учетных контор был лишь формальностью. В действительности их кредитные функции в отмеченный период практически не осуществлялись из-за отсутствия денежных средств. Основная их задача была сведена к расчетам по старым кредитам. Таким образом, Ассигнационный банк как кредитное учреждение перестал существовать.

Намеченная финансовая реформа по многим причинам не смогла достичь всех поставленных целей. Отставка М. М. Сперанского и противоречивая политика министра финансов Д. А. Гурьева во многом предопределили неудачную судьбу намеченных перемен. Часто меняя свое отношение к той или иной проблеме в области финансовой и кредитной политики и способам ее реализации, граф Гурьев во многом усложнял и без того трудное финансовое положение империи. В период обсуждения проекта Сперанского Гурьев высказал мнение о нецелесообразности признания ассигнаций государственным долгом, но уже в 1812 году он принялся вдруг настаивать на проведении в жизнь некогда отвергнутых процедур. Подобную непоследовательность мы наблюдаем и в области кредита, например в отношении министра финансов к предложению об учреждении Коммерческого банка. Из противника этой идеи он впоследствии стал ее проводником.

Впрочем, осторожность министра финансов могла иметь и положительные последствия для русских финансов. В частности, Д. А. Гурьев активно возражал против распространения ассигнаций за пределами коренной России. Однако его доводы об отрицательных последствиях не убедили императора, его решение последовало 13 января 1813 года. Для облегчения расчетов русской армии за границей и укрепления доверия к ассигнациям было разрешено вывозить и ввозить их в Россию. Благодаря этому различные дельцы смогли сколотить крупные состояния на спекуляциях с бумажным рублем. Известно, что

курс ассигнаций в армии был на 30% ниже вексельного курса рубля. Учитывая эту разницу, спекулянты скупали их у военных, переправляя в портовые города России, где на них приобретались краткосрочные векселя. По данным К. В. Сивкова, из выпущенных за границу 70 млн руб. ассигнациями в Россию в течение восьми месяцев вернулось обратно 20 млн руб., что привело к падению вексельного курса¹. Указанное решение облегчило также проникновение в страну значительной суммы фальшивых денег, которые распространялись властями Франции. «Только в полковых кассах возвращавшейся в 1814 г. из Европы российской армии ревизия обнаружила из 1,5 млн руб. более 300 тыс. поддельных»². Вторгшиеся в 1812 году неприятельские войска заполнили внутренний рынок России значительным объемом фальшивых ассигнаций. Их объем был столь значительным, что правительству пришлось пойти на их обмен через Ассигнационный банк, выдавая предъявителям фальшивых ассигнаций подлинные банкноты. Закон допускал наказание лишь за намеренное распространение фальшивых денег, что крайне сложно было доказать.

Другим немаловажным фактором неудачи экономической реформы начала XIX века была нерасторопность царских властей. Поставленные перед собой задачи правительство решало медленно и с большим опозданием. Так, продажа государственной собственности началась лишь 1 февраля 1811 года и предполагалась к завершению в 1815 году. Однако процесс реализации имущества испытывал громадные трудности и не всегда осуществлялся с выгодой для казны. Между тем, по мнению разработчиков проекта, продажа должна была принести государству существенные доходы. Чтобы ускорить намеченные торги земельных владений, правительство разрешило участвовать в их покупке «всем свободным состояниям». 8 января 1812 года прежний законодательный акт был дополнен новым указом «Об ускорении решения дел о казенных землях, лесах и других разного рода оброчных статей». Но и после этого распродажа

¹ Сивков К. В. Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 7. С. 132.

² Махрова Т. К. Из истории денежного обращения России в период наполеоновского вторжения. С. 118.

государственной собственности шла с большими трудностями. Среди причин, мешавших быстрому ходу дела, было отсутствие оформленных прав собственности на те земельные угодья, которые были предложены к продаже. В этой связи министр финансов Д. А. Гурьев обратился к министру юстиции с просьбой ускорить работу судебных органов по делу о спорных казенных землях и лесов, а также оброчных статей. Законодатель указывал, что только 700 дес. земли в Тульской губернии из 14 700 тыс. дес., предполагаемых к торгам, оказались бесспорными¹. В итоге 1812 год принес государству ничтожные доходы. По этой статье в 1812 году в Комиссию погашения долгов поступило «за проданные казенные рожи и земли» 33 661 руб. 29 коп.²

Провальными оказались усилия по уменьшению массы бумажных денег, как и попытка стабилизировать курс ассигнаций. Лишь на короткое время удалось ненамного поднять курс ассигнаций (доведя его до 27,5%)³. Начало же войны с Францией в 1812 году окончательно свело на нет все усилия правительства в этой области, вынудив власти отложить многие важнейшие мероприятия на более позднее время.

Фактически правительству пришлось отойти от намеченных «Планом финансов 1810 г.» задач уже в год его принятия. Несмотря на все старания властей сбалансировать бюджет в рамках имевшихся ресурсов, государство продолжало расходовать все более крупные суммы на свое содержание. В условиях подготовки к войне и спада в народном хозяйстве правительству не удалось оставаться в рамках принятых решений. Так, вопреки своим обещаниям не прибегать к дополнительной эмиссии, оно было вынуждено уже в 1810 году выпустить в обращение первую партию заготовленных ранее и не ликвидированных 4 379 800 руб. ассигнациями. А всего в том году было выброшено 46 172 580 новых бумажных рублей.

Столь неожиданное решение самым пагубным образом отразилось на состоянии ассигнационных рублей. Курс бумажных денег стремительно стал падать, опустившись в конце 1810 года

ПСЗ-І. Т. 32. № 24947.

¹ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 45. С. 469.

² Историческое обозрение финансов с 1801 по 1814 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Т. 71. Л. 23.

³ Там же.

до 25,2 коп. серебром за один ассигнационный рубль, а к концу 1815 года до 20 коп. в звонкой монете. Вопреки этому, правительство в течение еще нескольких лет продолжало насыщать страну лишними деньгами. С 1810 по 1817 год бумажная масса денег была увеличена с 533 201 300 до 836 000 000 руб. (после этого количество ассигнаций не увеличивалось). Приведенные в таблице 1 сведения об общей массе находившихся в обращении бумажных денег и ежегодной их эмиссии наглядно показывают, как колебался курс ассигнационного рубля в первой четверти XIX века. Самый низкий обменный курс наблюдался в 1814–1815 годах, когда он упал до 20 коп. серебром за бумажный рубль. Дальнейшие его колебания были незначительны, и ассигнационный курс держался на уровне 25 $\frac{1}{3}$ –26 $\frac{1}{3}$ коп.

УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ДЕНЕЖНОЙ И БЮДЖЕТНОЙ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА I

Финансовые неудачи правительства особенно болезненно отражались на материальном положении народа. Стремительное ухудшение ситуации с денежным обращением пагубным образом влияло и на разные стороны экономической жизни империи. В частности, осложнились и без того неровные налоговые поступления в казну. Убедившись в провале попыток создать денежную систему, основанную на серебре, правительство при производстве различных фискальных платежей вынуждено было перейти на ассигнации. По Манифесту 9 апреля 1812 года все налоговые поборы и недоимки по ним, определенные ранее на серебро, должны были вноситься ассигнациями по 2 руб. за рубль. Таможенные, лесные, почтовые и с казенных земель сборы — по 3 руб. за рубль. Словом, все счета и другие платежи впредь должны были основываться на бумажных деньгах. Расчеты по контрактам и прочим сделкам между частными лицами могли производиться по обоюдному согласию в любой форме.

Необходимость вести расчеты и уплату податей ассигнациями привела к широкой спекуляции деньгами и появлению повсеместно так называемого простонародного лажа в виде надбавки сверх биржевого курса, имевшей произвольную величину. Его размер не был одинаков повсеместно, а существенно колебался

в зависимости от места и времени производства обмена денег. Так, в 1820 году «народный лаж» сверх биржевого курса ассигнационного рубля составлял 17% в Москве, 18% — в Нижегородской и Ярославской губерниях, 10% — в Астраханской и Вятской губерниях, 6% — в Петербургской, Виленской, Минской и Гродненской губерниях, 5% — в Псковской губернии и 3% — в Могилевской губернии¹. Желая ликвидировать спекулятивную надбавку, правительство установило в 1824 году фиксированный податной курс ассигнаций в размере 3 руб. 70 коп. за 1 серебряный рубль. Однако введение фиксированного курса не принесло желаемых результатов, и в 1830 году казна была вынуждена начать прием податей и в звонкой монете.

Перелом в эмиссионной политике правительства наступил в 1818 году, когда оно перешло от безудержного печатания денег к изъятию излишней массы ассигнаций из обращения. Таким образом, попытки приблизить их суммарное число к количеству серебряной монеты не прекратились. Справедливости ради отметим, что еще до вторжения французов в Россию правительство прилагало значительные усилия по увеличению массы полноценного рубля. В 1811 и 1812 годах было выпущено в обращение 6751 тыс. руб. достоинством в 1 рубль и 759 тыс. руб. мелкой монетой². Для более интенсивного сокращения ассигнационных рублей было объявлено, что Государственная комиссия погашения долгов будет принимать вклады с выдачей по ним билетов, приносящих шестипроцентный доход. Ликвидация излишних ассигнаций продолжалась вплоть до 1823 года со снижением общего их числа до 595 776 310 руб. Всего было уничтожено 140 223 690 руб. ассигнациями. В последующие годы правительство больше не прибегало к дополнительной эмиссии, сохранив названную сумму денег до денежной реформы Е. Ф. Канкрин.

Благодаря предпринятым мерам курс ассигнационного рубля стабилизировался и к концу обозначенного срока достиг 3 руб. 70 коп. за 1 серебряный рубль. В счет погашения ассигнаций

¹ Учреждении при Государственном Коммерческом банке депозитной кассы по серебряным вкладам и об уничтожении лажа // РГИА. Ф. 1152. Оп. 2. Д. 136. Л. 122.

² Сергей Михайлович, великий князь. Монеты царствования императора Александра I. СПб., 1891. С. 76.

также шли суммы, полученные от англо-голландских займов 1820-х годов. Всего в период с 1817 по 1823 год внешних и внутренних займов на погашение ассигнаций было произведено на 113 633 451 ассигнационными рублями и 83 338 580 серебряными рублями¹.

Отметим, что процесс уменьшения количества бумажных денег сопровождался и сокращением общего круга действий Ассигнационного банка, который, как отмечалось выше, был превращен в учреждение для производства, обмена и хранения денежных купюр. После ликвидации учетных контор банк и формально потерял свои кредитные функции. Это не могло не отразиться на его внутренней организации и числе его сотрудников. В 1823 году министр финансов внес на рассмотрение Государственного совета проект сокращения состава служащих банка и Экспедиции заготовления государственных бумаг. Среди уволенных было 5 ревизоров, 1 помощник правителя канцелярии, 2 помощника бухгалтера, 1 кассир и еще 7 чиновников. Помимо того, из нижнего состава за штат было выведено 60 служащих. Всем уволенным было выдано по годовому окладу: именно в течение года Министерство финансов должно было определить их на новые должности. Так как большая часть уволенных служила в Экспедиции заготовления государственных бумаг, правительство сократило в следующем году еще 20 человек из состава чиновников самого Ассигнационного банка².

Возможно, правительству удалось бы достичь в деле упорядочения денежного обращения большего результата, но назначенный в 1824 году вместо Д. А. Гурьева на пост министра финансов Е. Ф. Канкрин прекратил выкуп ассигнаций. Новый глава Финансового ведомства полагал, что предпринятые по возвышению курса рубля меры могли принести лишь «крайние неудобства» государству и населению. По его мнению, цена такой операции могла быть неоправданно высокой, а у правительства свободных ресурсов не было. Спустя десятилетие, 11 июня 1834 года, Канкрин внес в Комитет финансов уже свой проект

¹ Записка Е. Ф. Канкринина об устройстве монетной и кредитной систем // РНБ ОР. Ф. 484. Д. 78. Л. 11.

² Всеподданнейшие докладные записки // РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 220. Л. 116, 210–212.

обустройства финансов империи. Его план предусматривал перевод всех расчетов на серебряную монету и, по сути, вновь возвращался к идее создания «банка на серебре» для перевода государственных долгов и всех расчетов на металл. По мнению Канкрин, ситуация в стране была весьма благоприятной для претворения его проекта в жизнь. Как он указывал, процесс падения курса ассигнаций если не прекратился окончательно, то значительно замедлился, а его периодические колебания не таили в себе такую опасность, как прежде. Ко всему прочему, накопленный запас ассигнаций, как полагал министр финансов, мог стать стратегическим резервом Государственного казначейства на случай войны и невозможности заключить займы за границей¹.

Опасения Канкрин о возможном срыве некоторых внешних финансовых операций были вполне оправданны. Российское правительство в прошлом неоднократно терпело неудачи в поисках кредиторов. Несмотря на обширные связи, налаженные придворными банкирами в Европе, не всегда удавалось с успехом разместить некоторые внешние займы империи. Контора придворных банкиров поддерживала тесные связи с финансовыми кругами Амстердама, Гамбурга, Лейпцига, Берлина, Вены, Дрездена, Генуи и других городов. Их активная деятельность высоко оценивалась царскими властями. Еще 14 июля 1800 года Павел I подписал указ Сенату о возведении в баронское достоинство И. Велио, А. Ралля и Н. Роговикова. После этого главный казначей страны, который надзирал за деятельностью финансистов, адресовал свои ордера уже не в Контору придворных банкиров, как прежде, а «двора Его Императорского Величества банкирам и комиссионерам баронам Велио, Раллю и Роговинову»².

На рубеже XIX века банкиры активно осваивали рынки Европы, расширяя свои контакты. В конце 1798 года в Петербурге было подписано англо-русское соглашение о предоставлении России английским правительством субсидий в размере 225 000 фунтов стерлингов единовременно и 75 000 фунтов

¹ РНБ ОР. Ф. 484. Д. 78. Л. 17.

² Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России. С. 131.

стерлингов ежемесячно, рассчитанных на содержание двух экспедиционных армий. В 1799 году эта сделка выдвинула лондонский банкирский дом «Гарман и К^о» (Harman Hoare C^o) на одну из первых ролей среди иностранных корреспондентов конторы придворных банкиров¹. Через своих корреспондентов придворные банкиры обеспечивали части российской армии и флота необходимыми расходными средствами во время заграничных походов, производили валютный обмен для правительственных нужд, переводили деньги европейским кредиторам при погашении займов. До заключения Тильзитского мира, к 1 января 1807 года, общая сумма долгов по разным внешним займам достигла колоссальной суммы — 43 526 001 руб. Она соответствовала более четверти полученных в том году государственных доходов².

Добычей необходимых денежных ресурсов для правительства за рубежом занимались не только банкиры придворной конторы, чья роль в этом деле начиная с 1801 года постепенно стала снижаться, но и другие ведомства империи. В частности, активно заимствовала средства на европейском денежном рынке Коллегия иностранных дел³. После учреждения Министерства финансов внешние денежные операции все более и более сосредоточиваются в этом ведомстве. Перемены во внешних денежных операциях были особенно заметны после 1811 года, когда формально была ликвидирована контора придворных банкиров, которая подчинялась государственному казначею. Прочному положению конторы придворных банкиров был нанесен первый удар в 1803 году, когда при Министерстве финансов была учреждена Экспедиция для внешних денежных дел. Созданная для контроля за финансовыми операциями за рубежом, она постепенно оттесняла придворных банкиров от внешних заимствований. К примеру, в 1807 году через означенную Экспедицию прошли три четверти заграничных денежных оборотов (более 20 млн руб.)⁴. Хотя институт придворных банкиров еще

¹ Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России. С. 132.

² Всеподданнейшие докладные записки // РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 217. Л. 231.

³ Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России. С. 134.

⁴ Там же. С. 143.

долго сохранял свое значение в России, часть внешних финансовых операций стала производиться через 3-е отделение канцелярии министра финансов. В еще большем объеме работы по зарубежным долгам перешли к отделению в 1819 году. В ведение этого подразделения Финансового ведомства перешли и дела казенных банков — Заемного, Коммерческого и Ассигнационного. В ст. 145 «Учреждения Министерства финансов», в частности, указывалось:

Как дела сего отделения состоят под особым и непосредственным наблюдением министра финансов и производятся по его распоряжениям, то начальник сего отделения непосредственно докладывает по оным министру и исполняет его приказания и назначения¹.

Наконец, 5 декабря 1824 года, в связи с «умножением дел и обязанностей» Министерства финансов в кредитной сфере, правительство было вынуждено создать новый орган управления. 3-е отделение канцелярии министра финансов было преобразовано в Особенную канцелярию по кредитной части (сокращенно — Кредитная канцелярия).

Стабилизация денежного обращения в России в конце второго десятилетия XIX века шла параллельно с улучшением конъюнктуры внешнего рынка для страны. Это способствовало притоку значительного объема золотовалютных поступлений, что также благотворно отразилось на финансовой стабильности империи. Так, только через Одесский порт начиная с 1814 по 1825 год вывезли ежегодно товаров на суммы не менее 14 млн руб. (см. таблицу 3). Особенно успешными были 1816 и 1817 годы, когда было экспортировано российской продукции на 78 653 000 руб. Эта внешнеторговая операция принесла торговцам доход более 20 млн руб. серебром. Неурожаи в Европе положили начало невероятного спроса на российские сельскохозяйственные товары.

Отметим, что экономические проекты М. М. Сперанского и М. А. Балугьянского, дополненные Д. А. Гурьевым, в полной

¹ Черновые записки и другие материалы о деятельности Особенной канцелярии // РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 995. Л. 62.

Таблица 3. Внешнеторговые операции через Одесский порт в 1802–1838 годах
(в ассигнационных рублях)

Год	Вывезено за рубеж	Ввезено в Россию
1802	1 534 000	719 000
1804	2 339 000	1 223 000
1805	3 399 000	2 156 000
1812	1 855 000	2 165 000
1814	7 220 000	4 886 000
1815	14 664 000	4 316 000
1816	37 717 000	4 204 000
1817	41 936 000	19 710 000
1818	20 535 000	14 191 000
1819	15 225 000	8 398 000
1820	16 581 000	7 729 000
1821	16 088 000	6 065 000
1822	13 008 000	7 216 000
1823	15 913 000	8 554 000
1824	13 039 000	6 946 000
1825	20 029 000	8 424 000

Источник: Скальковский А. Опыт о торговых и промышленных силах Одессы. С. 306–307.

мере отражали насущные интересы народного хозяйства страны. Последовательная их реализация могла существенно изменить положение дел в стране к лучшему. Однако внутренняя борьба различных политических кругов, войны и непоследовательная политика Александра I не позволили осуществиться многим положениям предложенных проектов. Только «при достаточной степени государственной экономии, благоприятной международной обстановке (отсутствие активных военных действий), развитии собственной промышленности и сельского хозяйства существовала реальная возможность создания необходимой финансово-экономической базы для проведения преобразований кредитно-финансовой системы в будущем, что и было реализовано Е. Ф. Канкриным»¹. Очевидно, что лишь умелая финансовая политика как в сфере бюджетного планирования, так и денежного обращения, в сочетании с эффективным регулированием социально-экономических отношений, могли обеспечить России прочное положение на Европейском континенте. В условиях постоянно возникавших угроз без этого было сложно обеспечить безопасность страны.

¹ Марней Л. П. Финансовая политика России в первой четверти XIX века // Экономическая история: Ежегодник. М., 2002. С. 154.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Неопубликованные

Российский государственный исторический архив (РГИА): Ф. 560. Оп. 10. Д. 71; Ф. 583. Оп. 3. Д. 995; Ф. 583. Оп. 3. Д. 1019; Ф. 583. Оп. 4. Д. 220; Ф. 583. Оп. 4. Д. 217; Ф. 1147. Оп. 1. Д. 241; Ф. 1152. Оп. 1 (1810 г.). Д. 1а; Ф. 1152. Оп. 1 (1810 г.). Д. 1б; Ф. 1152. Оп. 1 (1810 г.). Д. 108; Ф. 484. Д. 78.

Опубликованные

- Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 125–147.
- Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5.
- Бунге Н. Х. Приложения 3 к 53 ст. // Вагнер А. Русские бумажные деньги. Киев, 1871. С. 120–140.
- Георгий Михайлович, великий князь. Монеты царствования императора Александра I. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1891.
- Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии: исторический очерк. СПб., 1903.
- Гурьев А. Н. Очерк развития государственного долга России. СПб., 1903.
- Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / [Б. В. Ананьич, М. И. Арефьева, С. Г. Беляев и др.] СПб., 2005.
- Марней Л. П. Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в. М., 2009.
- Махрова Т. К. Из истории денежного обращения России в период наполеоновского вторжения // Правопорядок: история, теория, практика. 2013. № 1 (1). С. 116–123.
- Мигулин П. П. Наша банковая политика. (1729–1903). Харьков, 1904.
- Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902.
- Пак Чжи-Бэ. Объем и значение экспорта российских товаров в Великобританию в 1760–1830 гг. // Российская история. 2016. № 4. С. 20–34.
- Русский рубль. Два века истории: XIX–XX вв. / [Ю. П. Бокарев, А. Н. Боханов, Л. А. Катыхова и др.; ред. Н. П. Зимарина]. М., 1994.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. Финансовые документы царствования Императора Александра I. СПб., 1885.
- Семенкова Т. Г., Семенков А. В. Денежные реформы в России в XIX веке. СПб., 1992.
- Сивков К. В. Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 7. С. 124–137.
- Скальковский А. Историческо-статистический опыт о торговых и промышленных силах Одессы. Одесса, 1839.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Андрей Юрьевич, д. и. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Андреева Татьяна Васильевна, д. и. н., главный научный сотрудник, Институт истории РАН, г. Санкт-Петербург

Бендин Александр Юрьевич, д. и. н., приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет

Бибииков Григорий Николаевич, к. и. н., старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва

Бикташева Алсу Назимовна, д. и. н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Детмеринг Кристиан В., Dr., независимый исследователь

Дитце Карола, Prof. Dr., профессор (до 2023 г.), Университет им. Фридриха Шиллера, г. Йена

Зах Майке, Dr., научный сотрудник, Университет им. Иоганна Гутенберга, г. Майнц

Иванов Иван Асенович, Dr., научный сотрудник, Университет, г. Эрфурт, исследовательский центр Гота

Катцер Николаус, Prof. Dr., профессор (до 2018 г.), Университет им. Гельмута Шмидта, г. Гамбург

Кеспер-Бирманн Сильвия, Prof. Dr., профессор, Университет, г. Гамбург

Конев Алексей Юрьевич, к. и. н., ведущий научный сотрудник, сектор этнологии и социальной антропологии, Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень

Лизунов Павел Владимирович, д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск/Северодвинск

Мартин Александр, Ph.D., профессор, Университет Нотр-Дам, Индиана

Морозан Владимир Васильевич, д.и.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Неземанн Франк, Dr., преподаватель, Гимназия им. Николауса фон Вайса, г. Шпейер

Ружицкая Ирина Владимировна, д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва

Сдвижков Денис Анатольевич, к.и.н., доцент / старший научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге / Институт российской истории РАН, г. Москва

Севастьянов Федор Леонидович † (1974–2018), к.и.н., доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

Тирихтер Конрад, Dr., независимый исследователь

Шедеви Франциска, PD Dr., научный сотрудник (до 2021 г.), Университет им. Фридриха Шиллера, г. Йена

Ширле Ингрид, академический сотрудник (до 2024 г.), Университет им. Эберхарда и Карла, г. Тюбинген

Эдельман Ольга Валериановна, к.и.н., главный специалист отдела изучения и публикации документов, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), г. Москва